

УДК 272.5

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-55-66

СОЗДАНИЕ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ВПЕЧАТЛЕНИЯ О ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СССР КАК ФОРМА ВМЕШАТЕЛЬСТВА ВО ВНУТРИЦЕРКОВНУЮ ЖИЗНЬ В 1940–1950 ГГ.

Никонов В. В.

*Российский государственный гуманитарный университет
125993, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ пропагандистских усилий советской власти, направленных на создание положительного представления о положении церкви в СССР в глазах международной общественности.

Процедура и методы. На основе документов из фонда уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР по г. Москве и Московской области, находящегося в Центральном государственном архиве Московской области, рассматривается практика воздействия государственного аппарата на духовенство и мирян с целью формирования благоприятного представления о положении церкви в СССР в глазах иностранцев. В работе использованы сравнительно-исторический и проблемно-аналитический методы исследования.

Результаты. Сделан вывод, что первые попытки формирования представлений о благожелательном отношении властей к церкви предпринимались уже в начале Великой Отечественной войны, что выразилось, в частности, в издании книги «Правда о религии в России» (1942 г.). В значительной степени этой же цели способствовало создание в 1943 г. Совета по делам Русской Православной Церкви, сотрудники которого в числе прочих функций должны были обеспечивать просоветскую направленность любых контактов духовенства и верующих с иностранцами. В статье показано, как такие контакты планировались и организовывались, какого рода инструктаж проводился с духовенством с целью исключить возможность самостоятельных ответов на предполагаемые вопросы, а также как осуществлялось снятие священнослужителей с должностей, в случае если их способность общаться с иностранцами в строго обозначенных рамках, с точки зрения чиновников Совета по делам РПЦ, вызывала сомнение. Рассмотренные в статье действия властей по формированию положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в глазах иностранцев зачастую являлись вмешательством во внутрицерковные отношения, а в ряде случаев приводили к разрушению храмовых зданий.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты работы могут быть использованы в преподавательской деятельности по дисциплинам, связанными с изучением истории Русской Православной Церкви в XX в.

Ключевые слова: гонения на церковь в СССР, Московская область, политические репрессии, Русская Православная Церковь, Совет по делам Русской Православной Церкви

CREATING A POSITIVE IMPRESSION OF CHURCH-STATE RELATIONS IN THE USSR AS A FORM OF INTERFERENCE IN CHURCH LIFE IN 1940–1950

V. Nikonov

Russian State University for the Humanities

Miusskaya pl. 6, Moscow 125993, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the propaganda efforts of the Soviet government aimed at creating a positive image of the Church situation in the USSR in the eyes of the international community.

Methodology. The article is based on documents from the fund of the Authorized Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the USSR for Moscow and the Moscow region which is located in the Central State Archive of the Moscow region. It examines the practice of the influence of the state apparatus on the clergy and laity in order to form a favorable view of the position of the Church in the USSR in the eyes of foreigners. The article applies the comparative historical and problem-analytical research methods.

Results. The author comes to the conclusion that the first attempts to form ideas about the benevolent attitude of the authorities towards the Church were already made at the beginning of the Great Patriotic War, which was expressed, in particular, in the publication of the book “The Truth about Religion in Russia” in 1942. To a large extent, the same goal was promoted by the creation in 1943 of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church, which employees, among other functions, were to ensure the pro-Soviet orientation of any contacts of clergy and believers with foreigners. The article shows how such contacts were planned and organized, what kind of instruction was carried out with the clergy in order to exclude the possibility of independent answers to the alleged questions, as well as how the clergy were removed from their posts if their ability to communicate with foreigners within a strictly defined framework was doubtful from the viewpoint of the officials of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church. The author comes to the conclusion that the actions of the authorities taken to form a positive impression of church-state relations in the eyes of foreigners were often an interference in intra-church relations, and in some cases led to the destruction of temple buildings.

Research implications. The results obtained during the work on the article can be used in teaching activities in disciplines related to the study of the history of the Russian Orthodox Church in the twentieth century.

Keywords: persecution of the Church in the USSR, Moscow region, political repressions, the Russian Orthodox Church, the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church

Введение

Власти в СССР на протяжении всего времени его существования стремились влиять на церковную жизнь, диктовали свои условия и одновременно с этим прилагали усилия к тому, чтобы в глазах иностранцев положение Церкви вполне соответствовало свободам, формально законодательно закреплённым, но в действительности в значительной своей части нарушавшимся. Это противоречие нашло отражение в документах Совета

по делам Русской Православной Церкви при Совете министров СССР, образованного в 1943 г., в т. ч. для реализации указанных выше целей [6].

Но ещё до образования Совета, желая изменить представления о гонениях на Церковь в СССР, сформировавшиеся за предвоенные десятилетия в западных странах, в издательстве Московской Патриархии по инициативе властей в 1942 г. вышла книга «Правда о религии в России» [2], представлявшая собой сборник

церковных документов, тенденциозно подобранных в пропагандистских целях.

В конце войны и в первые послевоенные годы руководство СССР старалось продемонстрировать благожелательное отношение к Русской Православной Церкви. Например, 5 её представителей получили приглашение присутствовать на июньском параде Победы 1945 г., причём их разместили вблизи иностранных дипломатов, чтобы, как отмечал председатель Совета по делам РПЦ Г. Г. Карпов, обеспечить «благоприятное впечатление на границу» [7, с. 340].

Настоящая статья посвящена вопросам государственного регулирования контактов представителей Русской Православной Церкви с иностранцами, а также попыткам чиновников Совета по делам РПЦ использовать авторитет духовенства для представления положения Церкви в СССР в удобном для советской власти виде.

Статья игумена Павла (Гольшева) для западной прессы

Одним из характерных примеров деятельности Совета по делам РПЦ в направлении создания положительного впечатления о положении Церкви в СССР в послевоенное время можно считать эпизод с попыткой давления на игумена Павла (Гольшева)¹, будущего архиерея, позже возглавлявшего последовательно несколько епархий, чтобы заставить его написать статью для западной прессы. В 1947 г. он вернулся из Франции, куда его семья эмигрировала вскоре после революции, получил советское гражданство и был принят в число братии недавно переданной Церкви Троице-Сергиевой Лавры. Разумеется, такое событие не прошло незамеченным для аппарата уполномочен-

ного Совета по делам РПЦ по г. Москве и Московской области А. А. Трушина.

8 сентября 1948 г. Совет вызвал к себе игумена Павла и провёл с ним «беседу на тему о его пребывании во Франции»². После беседы Трушин задал священнику вопрос, «не сможет ли он написать статью для помещения в иностранной печати на тему его пребывания в эмиграции». В статье должны были быть отражены такие моменты, как «обработка его, игумена Павла, антисоветскими элементами, запугивание различными небылицами и др.» лицами, «распространяющими антисоветскую пропаганду среди советских людей, находящихся в лагерях Западной Европы и США». Необходимо иметь в виду, что в описываемое время за пределами СССР находилось значительное число советских граждан. Очевидно, что такая статья, опубликованная в западной печати от имени вернувшегося на Родину священника, могла стать убедительным аргументом в пользу возвращения в СССР тех, кто по тем или иным причинам не торопился этого делать.

По словам А. А. Трушина, игумен Павел написал такую статью согласился, о чём 9 сентября 1948 г. московский уполномоченный доложил заместителю председателя Совета С. К. Бельшеву³. Однако уже через несколько дней в очередном письме он вынужден был констатировать, что надежды на лёгкую победу над священником не оправдались. Статью отец Павел написал, но совсем не такую, какую от него требовал Трушин. «Несмотря на мой инструктаж, – отчитывался чиновник перед руководством, – какой должна быть написана статья, последняя получилась не совсем удовлетворительной: во-первых, очень большая, во-вторых, мало в статье указано в отношении его «обработки» антисоветскими элементами, запугивания различными небылицами и т. д. Кроме этого, в статье

¹ Павел (Гольшев Евгений Павлович, 1914–1979) – епископ Русской Православной Церкви, епископ Молотовский и Соликамский (1957–1960), Астраханский и Енотаевский (1960–1964), архиепископ Новосибирский и Барнаульский (1964–1972), Вологодский и Великоустюжский (1972).

² Центральный государственный архив Московской области (далее ЦГАМО). Ф. 7383. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.

³ Там же.

совершенно нет фамилии и должностного положения проводивших «обработку» и угрозы. Очень бледно отражена встреча автора на Родине, условия жизни в СССР. В статье нет призыва к лично знающим автора, находящимся в лагерях запада и США не верить различным клеветническим измышлениям и возвращаться на Родину»¹.

К сожалению, текст самой статьи в материалах дела отсутствует, однако по реакции А. А. Трушина можно предположить, что игумен Павел не стал следовать указаниям московского уполномоченного Совета по делам РПЦ, а написал статью так, как считал нужным он: не описывая якобы имевшие место угрозы и «обработку» его «антисоветскими элементами» и не призывая никого вернуться в СССР, где именно в то время, как известно, поднималась новая волна репрессий [8]. Судя по всему, А. А. Трушин понял, что заставить игумена Павла переделать текст не удастся, и завершил свой отчёт словами: «После просмотра статьи необходимой беседы с Гольшевым по уточнению отдельных фактов не проводилось». Следует отметить, что отказ игумена Павла следовать указаниям чиновника Совета по делам РПЦ следует отнести к нечасто встречавшимся случаям сопротивления такого рода давлению.

Регламентация контактов иностранцев с духовенством и верующими

Первая половина 1950-х гг. ознаменовалась активными выступлениями высших иерархов Русской Православной Церкви на международных форумах [1], посвящённых защите мира и ослаблению напряжённости в международных отношениях [3]. Это, с одной стороны, укрепляло позиции Церкви как сотрудника государственной власти в деле борьбы за мир, а с другой – давало основания представителям западной общественности для формирования представлений о том, что Церковь в СССР перестает быть го-

нимой. С 1955 г. стало правилом присутствие представителей Московской Патриархии на приёмах в Верховном Совете и в иностранных посольствах. Это давало возможность церковным иерархам непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои пожелания и ходатайства [7, с. 355].

Однако активно демонстрировавшиеся внешние проявления самостоятельности высшего духовенства в общении с иностранцами отнюдь не означали либерализации такого общения на приходском уровне. Напротив, контактов священников и вообще верующих с иностранными туристами или сотрудниками зарубежных представительств различного типа власти старались не допускать, а в случае, когда это сделать было невозможно, предпринимались значительные усилия, чтобы такое общение как можно более полно контролировать. К сожалению, попытки такого контроля не только становились прямым вмешательством во внутрицерковную жизнь, но в ряде случаев приводили к катастрофическим последствиям, когда уничтожались церковные здания исключительно по причине того, что на их неприглядный разрушающийся вид могли обратить внимание иностранцы.

В мае 1955 г. все уполномоченные Совета по делам РПЦ получили письмо от его председателя Г. Г. Карпова, в котором отмечалось, что ряд представителей иностранных посольств и миссий, а также и простые зарубежные туристы, «разъезжая по автомагистралям, проявляют интерес к встречающимся по пути церквям (осматривают, фотографируют, беседуют с духовенством)»². В связи с этим уполномоченным предлагалось составить список храмов, расположенных на автомагистралях, проверить, какой они имеют внешний вид и, главное, уточнить, способны ли их настоятели «с точки зрения политической» давать соответствующие ответы на вопросы

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 15. Л. 27.

² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 18.

иностранцев. В случае же неспособности кого-либо из настоятелей к таким беседам уполномоченным вменялось в обязанность «переговорить тактично с епископом о их замене». Таким образом, негласное право сотрудников Совета по делам РПЦ прямо влиять на назначение и снятие священнослужителей реализовывалось фактически, не говоря уже о том, что уполномоченным предлагалось самостоятельно определять способность или неспособность духовенства к общению с иностранцами, хотя никаких конкретных критериев на этот счёт, за исключением общих рекомендаций, не существовало. Кроме того, в письме говорилось: «Если обнаружится, что внешний вид того или иного храма, расположенного на автомагистрали, производит впечатление запущенного, правящему архиерею следовало сделать замечание, чтобы тот принял меры к исправлению ситуации».

Действующие храмы, расположенные на основных автомагистралях Московской области, пересчитали¹, после чего уполномоченный Совета по Москве и Московской области А. А. Трушин в июле 1955 г. составил и отправил С. К. Бельшеву, занимавшему тогда должность заместителя председателя Совета по делам РПЦ, обширную 15-страничную справку о настоятелях всех указанных в вышеупомянутом списке 42 храмов², сопроводив её запиской с перечислением 9 настоятелей, которых, по его, Трушина, мнению, следует заменить. «Ещё по 6 кандидатурам, – писал А. А. Трушин, – требуется проверка... Остальные 27 человек могут быть оставлены»³. Документ выразительно характеризует механизм назначения и снятия священников с должности настоятеля в период действия Совета по делам РПЦ.

14 июля 1955 г. в Совете по делам РПЦ при Совете министров СССР состоялось специальное совещание, посвящённое

вопросам обслуживания иностранных делегаций⁴. Оно было весьма представительным: помимо членов и инспекторов Совета, а также уполномоченного по г. Москве и Московской области, на нём присутствовало 28 представителей духовенства, включая 3 епископов. Перед собравшимися выступил председатель Совета Г. Г. Карпов, который сообщил цель совещания, состоявшую в «устранении недостатков, встречающихся в работе по обслуживанию членов иностранных делегаций, посещающих церковные объекты». Карпов прямо заявил, что основные вопросы, которые предстоит осветить на совещании, – это «вопросы о свободе совести в СССР и о взаимоотношениях между Церковью и государством, т. к. они являются основными, с которыми обращаются иностранцы при встречах с духовенством». Иными словами, совещание имело целью инструктаж по вопросам представления положения Церкви в СССР перед иностранцами, причём, по словам Г. Г. Карпова, инициатива встречи принадлежала «церковным руководителям».

На совещании были озвучены вопросы, которые задавали прежде или гипотетически могли бы задать иностранцы при посещении храмов и монастырей, а затем приводились примерные ответы, которые следовало давать на них. Примечательно, что на наиболее острые вопросы ответов, приемлемых для советской власти, дано не было. К таким вопросам можно отнести, например: «Верно ли, что Московский патриарх и остальные члены Синода ранее были арестованы и находились в ссылке?», «Каковы причины гонений на деятелей церкви, имевших место в 1928–1929 гг.?». Эти и подобные им вопросы, заявленные в числе обсуждаемых, были просто проигнорированы. Отвечая на некоторые другие, чиновники Совета по делам РПЦ предлагали давать настолько уклончивые ответы, что скрывавшееся за ними желание скрыть правду или, во

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 19–21.

² Там же. Л. 24–38.

³ Там же. Л. 22, 23.

⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 33. Л. 10–21.

всяком случае, её исказить, становилось вполне очевидным. Так, например, на вопрос о том, следят ли советские органы за посещением гражданами храмов, нужно было отвечать, что «в храмах молящихся никто не регистрирует». Формально это было правдой: никакой регистрации в храмах не проводилось, но ведь вопрос заключался не в этом, а в том, следит ли власть за посещением храмов, что в действительности происходило повсеместно, о чём свидетельствуют многочисленные документы [4, с. 155–157]. На вопрос, уменьшается ли число верующих в СССР, вместо того чтобы просто ответить утвердительно или отрицательно, чиновники Совета предложили такую формулировку: «Судя по тому, что доход церквей с каждым годом увеличивается, можно думать, что количество верующих не уменьшается, хотя в то же время увеличение средств, поступающих в церковь, объясняется улучшением материального положения трудящихся вообще, в т. ч. и прихожан»¹. Вообще же, давать какую-либо оценку числа верующих в СССР, особенно в процентном отношении ко всему населению, духовенству было прямо запрещено.

В сентябре 1955 г. был подписан документ, имевший целью сформировать список лиц духовного звания и сотрудников храмов, которым Совет мог доверить общение с иностранцами. В него вошли 38 человек, представлявших 29 «церковных объектов», расположенных в г. Москве и Московской области². Выглядел список довольно пёстро. Наряду с известными церковными деятелями, например, будущим Патриархом Пименом, а тогда – архимандритом и наместником Троице-Сергиевой Лавры, ректором Московской духовной академии протоиереем Константином Ружицким, настоятелем Никольского храма в Кузнецях протоиереем Всеволодом Шпиллером, настоятелем Троицкого храма в Удель-

ной протоиереем Иоанном Соболевым, в список лиц, допущенных к общению с иностранцами, вошли служащие миряне: староста Свято-Духовского храма на Даниловском кладбище А. Ф. Подрезова, казначей Тихвинского храма в Алексеевском К. А. Маресова. Кроме того, согласно документу, к общению с иностранными делегациями могли быть допущены и бывшие обновленцы, в недавнем прошлом воссоединившиеся с Церковью: настоятель Воскресенского храма в Сокольниках Андрей Иванович Расторгуев и диакон того же храма Александр Александрович Введенский, сын обновленческого лжемитрополита Александра Введенского.

«Переоборудовать с нарушением церковного вида»

Выше отмечалось, что вопросами внешнего вида храмовых зданий советская власть через чиновников Совета по делам РПЦ интересовалась, как правило, только в связи с тем, какое впечатление и в какой степени их состояние может произвести на иностранцев. Исключение составляли отдельные памятники истории и культуры, не находившиеся в ведении Церкви, заботу о состоянии которых государство брало на себя. Все остальные храмы Церковь должна была ремонтировать за свой счёт, что и делалось по мере возможности. Однако проблема, заключавшаяся в том, как выглядели церковные строения в глазах иностранцев, приводила в некоторых случаях к катастрофическим последствиям.

Известно, что в советское время значительное число закрытых храмов занимались под различные государственные учреждения, которые не всегда в должной степени следили за их техническим состоянием. Часто, благодаря многочисленным перестроениям, внешний вид церковных строений обезобразивался настолько, что их прежнее назначение переставало угадываться. Это вызывало справедливое возмущение у неравнодуш-

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 33. Л. 16.

² ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 59–64.

ных людей, но именно такое положение дел спасало храмы от полного уничтожения. В качестве примера можно привести документ, свидетельствующий о том, как в Москве разрушались церковные здания только потому, что их внешний вид мог сформировать у иностранных гостей не устраивающее власти мнение о положении Церкви в СССР.

1 января 1956 г. уполномоченный Совета по Москве и Московской области составил очередное письмо с перечнем бывших церковных зданий, нуждавшихся в ремонте. В них давно располагались советские учреждения: Московская справочно-информационная контора, тресты «Городоремонт» и «Электропровод», общежитие Метростроя, Главснаб, различные склады и т. д. Здания, по свидетельству А. А. Трушина, находились в аварийном состоянии: купола «раскрыты», крыша течёт, металлические конструкции грозят обрушением, на карнизах растут деревья. Однако не это, по мнению чиновника, являлось главной проблемой, а то, что такие «недействующие церковные здания своим внешним видом производят неблагоприятное впечатление на иностранцев». Причём если бы в облике здания не угадывалась бывшая церковь, то это, очевидно, не стало бы предметом заботы сотрудника Совета по делам РПЦ. Какое же решение предлагает А. А. Трушин? Разумеется, самое простое: некоторые храмы «переоборудовать с нарушением церковного вида», а другие разобрать¹. В письме имеется список храмов и колоколен, подлежащих, по мнению Трушина, сносу. Таким образом, желание выглядеть в глазах иностранцев государством, в котором нет места гонениям на Церковь, в результате приводило к разрушению и дальнейшему обезображиванию памятников церковной архитектуры.

Организация контактов гостей фестиваля молодёжи и студентов 1957 г. с духовенством и верующими

В 1950-х гг. произошло ещё одно важное событие, повлиявшее на усиление прессинга со стороны Совета по делам РПЦ на Церковь для представления её благополучного положения в глазах мировой общественности. В 1957 г. в СССР проходил ставший впоследствии знаменитым Фестиваль молодёжи и студентов. О том, какое значение руководство страны придавало этому мероприятию, написано множество научных и художественных текстов. Это и неудивительно – ведь задачей Фестиваля, проводившегося в СССР, было показать, как благодаря социалистической системе хозяйствования страна за короткий промежуток времени возродилась после военной разрухи и превратилась в передовое демократическое государство. Учитывая, что за парадным фасадом скрывалась подлинная суровая, наполненная тяжёлым трудом, но при этом зачастую нищенская жизнь простых людей, власти всеми силами старались этот фасад сделать максимально непрозрачным для взора многочисленных зарубежных гостей, понимая, что среди них, несомненно, окажутся и такие, которые приедут специально для того, чтобы увидеть то, что будет старательно скрываться. Помимо тяжёлых условий труда и скудных зарплат, в СССР имелся ряд значительных социальных и внутриполитических проблем, которыми живо интересовались на Западе и которые, следовательно, требовали особенно тщательного декорирования. Одной из главных проблем, конечно, было положение Церкви с миллионами верующих.

Готовиться начали заранее. 8 января 1957 г. в адрес уполномоченного Совета по г. Москве и Московской области А. А. Трушина было отправлено секретное письмо Г. Г. Карпова, в котором содержались конкретные указания по под-

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 39. Л. 1–4.

готовке к предстоящему фестивалю¹. Надо отметить, что такое же письмо было разослано тем уполномоченным Совета, в зоне ответственности которых располагались города и посёлки, где могли оказаться гости фестиваля, но очевидно, что «главным» адресатом являлся, конечно, московский уполномоченный, т. к. именно на подведомственной ему территории планировались официальные мероприятия. В письме отмечалось, что иностранцы «несомненно, будут интересоваться церквями, монастырями и духовными учебными заведениями, а также искать встреч по вопросам положения и деятельности церкви, её отношений с государством и т.д.»². В этой связи уполномоченным высылались директивы, которым они должны были следовать в рамках подготовки к их приезду.

Прежде всего, уполномоченные должны были установить контакт с местными властями, что неудивительно. Формально подчинённые председателю Совета по делам РПЦ уполномоченные фактически так или иначе должны были согласовывать все свои решения с руководством области, края или республики, на территории которых они осуществляли свою деятельность [5]. Результатом совместной работы должен был стать план, который требовалось представить в Совет не позднее 1 марта 1957 г. На выработку плана, таким образом, отводилось менее 2 месяцев, а между тем в нём значились 6 пунктов, где выполнение каждого требовало серьёзной работы.

Первым пунктом уполномоченным предписывался выбор конкретных храмов и монастырей, куда можно было бы приглашать иностранцев, для чего они должны были быть приведены «в надлежащий вид». Иными словами, чтобы они не выглядели разрушенными или разрушающимися, и у гостей фестиваля не возникло оснований упрекнуть совет-

скую власть в действительном её отношении к Церкви.

Второй пункт предполагал необходимость отбора и подготовки лиц из числа духовенства и церковного актива для встречи и сопровождения иностранцев при посещении ими храмов и монастырей. Это являлось одной из самых важных и сложных задач, т. к. помимо того что для её выполнения требовалось оценить способность и готовность местного духовенства к общению с зарубежными гостями, следовало также исключить с их стороны малейшую возможность отклонения от заранее составленных и утверждённых специальным документом ответов на различные вопросы, которые могли возникать в процессе бесед.

Третий пункт предписывал обеспечить порядок и безопасность на церковных объектах при посещении их иностранцами. Отдельно оговаривалось «недопущение наличия нищих в храмах и внутри оград». Думается, что выполнение этого указания не встретило никаких трудностей, т. к. решалось силами местной милиции.

В четвёртом пункте речь шла о духовных учебных заведениях, и, хотя адресовалась очередная задача «уполномоченным тех областей, краёв и республик, где имеются духовные учебные заведения», очевидно, что в документе имелась в виду Московская область с расположенными в г. Загорске духовными семинарией и академией. Для их посещения иностранцами требовалось также выбрать «лиц, которые могут ознакомить с постановкой учёбы».

Согласно пятому пункту необходимо было организовать своевременное информирование сотрудников Совета по делам РПЦ, руководящий состав которого в основном состоял из сотрудников НКВД–МГБ, о посещении иностранцами храмов и монастырей. Причём обязанность такого информирования следовало возложить на принимавшее иностранцев духовенство.

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 42. Л. 4, 5.

² Там же. Л. 4.

И, наконец, последний пункт плана предписывал привести «местными органами в порядок здания недействующих церквей, которые своим безобразным видом (ремонт, слом, лесá) могут привлечь внимание иностранцев»¹. Это указание перекликается с требованием приведения в порядок храмов, куда предполагалось приглашать иностранцев. Примечательно, что «безобразным видом» в документе названо наличие на церковных зданиях лесов и вообще процесс ремонта, что на самом деле являлось свидетельством восстановления, но не разрухи, в которой уцелевшие храмы оказались благодаря репрессивной политике властей. Прямым следствием этой политики стал и упомянутый в числе характеристик безобразного вида недействующих церквей «слом».

Кроме того, в письме содержалось предложение о рекомендации духовенству не дарить иностранцам писаных икон, а ограничиться раздачей репродукций. О ходе выполнения намеченного плана и встречающихся к этому препятствий надлежало незамедлительно информировать Совет. Заканчивалось письмо ещё одним указанием на необходимость «во всём этом деле, особенно во время встреч и бесед», что прямо указывает на главную задачу, стоявшую в преддверии Фестиваля перед чиновниками Совета по делам РПЦ.

В мае 1957 г. был утверждён список учреждений Московской области, куда, разумеется, с рядом ограничений и в присутствии ответственных лиц, доступ иностранцам был разрешён. В числе таковых оказалось: 42 колхоза, 4 машинно-тракторные станции, 10 совхозов, 11 предприятий министерства речного флота (шлюзы, насосные станции и пр.), 2 яслей, 2 дома отдыха, 5 отделений милиции, 3 детских дома, 1 училище и 3 школы, 22 дома культуры и музея, 7 мест массо-

вых купаний и 7 «Русско-православных» (так в тексте – *В.Н.*) церквей²:

1. «Монастырь, духовная семинария и академия Троице-Сергиева лавра, трапезная, покои патриарха, г. Загорск;
2. Адриана и Наталии в г. Бабушкине;
3. Никольская, с. Пушкино, Пушкинского района;
4. Благовещенская, с. Братовщина, Пушкинского района;
5. Троицкая, пос. Удельная, Раменского района;
6. Преображенская, с. Юдино, Звенигородского района;
7. Казанская, с. Коломенское, Ленинского района»³.

Почему каждая из поименованных в списке церквей в него попала, в общем, понятно: все эти храмы должны были не только быть действующими, но и представлять собой, по возможности, широкую палитру православного зодчества. Что же касается Лавры, то её открытие в 1946 г. должно было восприниматься иностранцами как знаковое событие, касающееся вопроса новых отношений между государством и Церковью. Этим объясняется, что в перечень «Русско-православных церквей» вошли семинария с академией, а также покои Патриарха. Надо ли говорить, что все перечисленные храмы были в списке, составившемся ещё в 1955 г., когда в Совете по делам РПЦ решили выяснить, какие действующие церкви находятся на основных автомагистралях Московской области⁴.

Предположения властей о том, что многие гости Фестиваля (а всего приехало 34 000 человек из 131 страны мира) проявят значительный интерес к церковной жизни в СССР, подтвердилось в полной мере. Проведённая подготовительная работа среди иерархов и приходского духовенства дала свои плоды, и результатами прошедшего Фестиваля чиновники Сове-

² ЦГАМО. Ф. 7363. Оп. 1. Д. 40. Л. 23–27.

³ Там же. Л. 27.

⁴ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 36. Л. 19–21.

¹ ЦГАМО. Ф. 7383. Оп. 1. Д. 42. Л. 5.

та по делам РПЦ остались довольны. Это нашло отражение в содержательной записке, составленной Г. Г. Карповым 21 августа 1957 г. по итогам Фестиваля для представления в ЦК КПСС¹. «В Москве и области, – писал Карпов, – а также в других городах были выделены, проверены и соответствующим образом подготовлены из числа клира и церковных советов, слушателей и преподавателей духовных учебных заведений лица, ответственные за приём зарубежных делегаций, которые во время фестиваля ежедневно дежурили в церквях, принимали иностранцев, проводили с ними беседы и отвечали на задаваемые вопросы». По подсчётам Совета, в дни Фестиваля московские храмы посетили более 6 000 человек. Значительное место в записке Карпова отводилось высказываниям иностранных гостей о том, как они были приятно удивлены положением Церкви в СССР, что, несомненно, являлось свидетельством успешной работы возглавлявшегося им ведомства: «Гости в подавляющем большинстве были удовлетворены ответами священнослужителей и заявляли, что теперь они узнали действительное положение религии в СССР. Характерно в этом отношении заявление марокканского корреспондента Доктаномы, которое он сделал в Тихвинской церкви с. Алексеевского: «Вся западная пропаганда о запрещении культа в СССР лживая, и я рад, что могу в этом убедиться собственными глазами. Для меня теперь понятно, что здесь государство и церковь могут жить, не враждуя и не уничтожая друг друга»... О впечатлениях гостей, посетивших Лавру и имевших там беседы, красноречиво говорят записи в книге посетителей: «На этом месте мы узнали, что духовная жизнь, глубокое верование в Советском Союзе не умерли. И. Лееб и И. Бецлер (ФРГ)». «Очень счастлив побывать в Советском Союзе и обнаружить, что в этой стране существует религия и религиозные об-

¹ Российский государственный архив новейшей истории (далее РГАНИ). Ф. 5. Оп. 33. Д. 53. Л. 134–141.

ряды. Б. Д. Хурст (Англия)». «Благодаря советскому режиму, народу и правительству, религия в стране очень уважаема. (Мексиканские журналисты)»².

Заканчивалась записка Г. Г. Карпова выразительно: «Следует отметить, что все церковники, принимавшие участие во встречах и беседах с участниками фестиваля, вели себя достойно и давали правильные и исчерпывающие ответы на все задаваемые им вопросы».

Однако говорить о том, что Церковь отныне станет выражать удобную для поддержания имиджа советской власти позицию, не приходилось. Так, в записи беседы Г. Г. Карпова с патриархом Алексием о его встрече с Н. С. Хрущёвым, составленной для ЦК КПСС 19 мая 1958 г., указывается, что патриарх сказал: «Я поставлен в совершенно неудобное положение. По природе своей я врать не умею, да и вряд ли кто-либо из вас хочет этого. Но я не могу верующему народу, обращающемуся ко мне, моим архиереям и тем более иностранцам, как это было, например, когда меня спросили совсем недавно приехавшие евангелисты из Западной Германии: «Открывают ли у вас церкви?», сказать, что открывают, т. к. я буду врать, а сказать – не открывают, нам отказывают, не удовлетворяют – я тоже не могу. Я ставил вопрос об этом потому, что я знал, что Совет сам находится в этом отношении в затруднении»³. Тем не менее попытки использования духовенства, в т. ч. и высших иерархов, с целью декорирования непростых отношений государства и Церкви в СССР продолжились и в дальнейшем.

² Там же.

³ Водопьянова З. К. и др. «Выделены, проверены и соответствующим образом подготовлены»: Документы об участии церковных организаций в VI Всемирном фестивале молодежи и студентов 1957 г. в Москве. Вступительная статья [Электронный ресурс] // Альманах «Россия. XX век». Архив Александра Н. Яковлева URL: <https://alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-intro/1024540> (дата обращения: 18.05.2022).

Заключение

Приведённые факты позволяют сделать вывод о том, что в течение первого послевоенного десятилетия, чрезвычайно важного для СССР в смысле демонстрации преимуществ социалистической модели развития перед капиталистической, власти прилагали значительные усилия для создания привлекательного образа церковно-государственных взаимоотношений. Несмотря на то, что действительное положение дел значительно отличалось от того, как его представляли западному наблюдателю, Церковь, будучи институционально зависимой от государства, вынуждена была поддерживать советское руководство в этой работе,

включавшей в себя как вполне отвечавшие церковным установлениям действия (например, участие в форумах в защиту мира и за снятие международной напряжённости), так и противоречащие им, такие как искажение, иногда существенное, по требованию чиновников Совета по делам РПЦ истинного положения Церкви в СССР в ответах на вопросы иностранцев. При этом желание произвести благоприятное впечатление на иностранцев зачастую приводило к прямым вмешательствам в церковную жизнь, а также к разрушению церковных зданий, находившихся в аварийном состоянии.

Дата поступления в редакцию 18.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Николай (Ярушевич), митрополит. На Чрезвычайной сессии Всемирного Совета Мира // Журнал Московской Патриархии. 1952. № 8. С. 27–33.
2. Николай (Ярушевич), митрополит, Георгиевский Г. П., Смирнов А., прот. Правда о религии в России. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1942. 460 с.
3. Николай (Ярушевич), митрополит. Речь на Международной конференции по ослаблению напряжённости в международных отношениях // Журнал Московской Патриархии. 1954. № 7. С. 29–33.
4. Никонов В. В., Ушатова Н. П. За Христа претерпевшие. Церковь и политические репрессии 1920–1950-х гг. на территории Раменского района Московской области. Т. 1. Раменская волость. Гжель: ГГУ, 2016. 616 с.
5. Потапова А. Н. Правовое регулирование деятельности уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви в 1944–1948 гг. // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2013. № 6. С. 244–247.
6. Сосковец Л. И. Совета по делам религий как проводники государственной политики в отношении Церкви. // Известия Томского политехнического университета. 2008. № 6. С. 162–167.
7. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. Москва: Вече, 2010. 480 с.
8. Юнгблюд В. Т. Православная Церковь и власть в СССР в годы Второй мировой войны в оценках прессы США // Вестник Вятского государственного университета. 2012. № 1. С. 46–53.

REFERENCES

1. Nikolai (Yarushevich), Metropolitan. [At the Extraordinary session of the World Peace Council]. In: *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1952, no. 8, pp. 27–33.
2. Nikolai (Yarushevich), Metropolitan, G.P. Georgievsky, Alexander Smirnov, prot. *Pravda o religii v Rossii* [The truth about religion in Russia]. Moscow, Izd-vo Moskovskoi Patriarkhii Publ., 1942. 460 p.
3. Nikolay (Yarushevich), Metropolitan. [Speech at the International Conference on easing tension in International Relations]. In: *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Journal of the Moscow Patriarchate], 1954, no. 7, pp. 29–33.
4. Nikonov V. V., Ushatova N. P. *Za Khrista preterpevshiyе. Tserkov i politicheskoye repressii 1920–1950-kh gg. na territorii Ramenskogo rayona Moskovskoy oblasti. T. 1. Ramenskaya volost* [Those who suffered for Christ. The Church and political repressions of the 1920s–1950s on the territory of the Ramensky district of the Moscow region. Vol. 1. Ramenskaya volost]. Gzhel, GSU Publ., 2016. 616 p.
5. Potapova A. N. [Legal regulation of the board of commissioners for Russian Orthodox Church in 1944–1948 (on the materials of the South Ural Region)]. In: *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg State Agrarian University], 2013, no. 6, pp. 244–247.

6. Soskovets L. I. of the Council for Religious Affairs as agents of state policy towards the Church]. In: *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University], 2008, no. 6, pp. 162–167.
7. Shkarovsky M. V. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the 20th century]. Moscow, Veche Publ., 2010. 480 p.
8. Yungblud V. T. [The Orthodox Church and power in the USSR during the Second World War in the assessments of the US press]. In: *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Vyatka State University], 2012, no. 1, pp. 46–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Никонов Вадим Вадимович – кандидат педагогических наук, доцент кафедры истории и организации архивного дела Российского государственного гуманитарного университета, доцент;
e-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vadim V. Nikonov – Cand. Sci. (Education), Assoc. Prof., Department of History and Organization of Archival Activities, Russian State University for the Humanities;
e-mail: nikonova-box2009@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Никонов В. В. Создание положительного впечатления о церковно-государственных отношениях в СССР как форма вмешательства во внутрицерковную жизнь в 1940–1950 гг. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 1. С. 55–66.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-55-66

FOR CITATION

Nikonov V. V. Creating a positive impression of church-state relations in the USSR as a form of interference in church life in 1940–1950. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2023, no. 1, pp. 55–66.

DOI: 10.18384/2310-676X-2023-1-55-66